

Художник Жutowский — тот самый «абстракционист», с которым разговаривал Никита Хрущев на легендарной манежной выставке «30 лет МОСХа» в 1962 году. Необычайно сильное впечатление на лидера советского государства произвел автопортрет Бориса. «Кого изобразил художник? Урода!» — постановил глава государства. «Как же так, человек закончил советскую среднюю школу, институт, на него затрачены народные деньги, он ест народный хлеб. А чем он отличается от народа, рабочим и крестьянам за те средства, которые они затратили на его образование, — вот таким автопортретом, этой мерзостью и жутью? Противно смотреть на такую грязную мазню...» — цитировали потом искусствоведы в штатском фрагменты доклада главы государства.

После этого скандала работы Жutowского запретили выставлять в СССР и вывозить за его пределы. В те годы многие художники, отвергнутые официозом, бунтовали на кухнях и в подвалах. «Квартирная выставка? Скотское поведение жаждающих людей», — отзывается он сейчас о романтических буднях неофициального искусства. «Культурный ландшафт всегда параллелен происходящему в стране, при катаклизмах начинается истерика. В случае с бульдозерной выставкой сейчас непонятно: это политическая ситуация или художественная?». Запрещенному Жutowскому квартир и подвалов было мало: у него оставалась свобода, ограниченная географией родины. Он — бродяга.

«На счастье, это все-таки одна шестая часть суши, это не Андорра, поэтому бродить по этой стране было большим счастьем. И я ее исходил, как следует: от эстонских островов до Камчатки и от острова Виктория до Кушки».

Мастер спорта по альпинизму, излазивший все семитысячники страны, Жutowский «ушиблен природой». «Мог бы всю жизнь посвятить одной теме: ледниковым валунам на острове Хийума или реке Уле в Саянах. Ацтекской глиняной скульптурке первого века нашей эры или гильзе с площади польского Ганьска страшного 80-го года XX века».

После автомобильной аварии он преодолевает рельеф на байдарках. На вопрос о том, есть ли у него своя гора, Борис Иосифович отвечает: «У меня нет вершин, у меня есть пространство». «Самая ошеломительная по красоте гора не так уж высока: это Саяны». В прошлом году он ездил в Себеж, 600 км от Москвы (там родина Зиновия Герда и будет памятник). Люпины, иван-чай, сурепка. «Чистый лист, планшет, цветная пастель — и пошел кочегарить». От равнины получаются похожие на компьютерный дизайн вещи — с разматывающимся рулоном дороги. От гор идет техника энкаустика — процарапывание сквозь слои краски, раскопка смысла, как проникновение в недра земли.

Его не интересует посредственность — среднестатистический уровень над уровнем моря не есть предмет искусства. Искусству интересны исключения — хребты и Марианская впадина. Рисунок почвы и облаков никогда не повторяется. Распыление лаком и растекание краски дает орнамент нерукотворный. «Уметь было одной из важных амбиций моего по-

коления. Уметь же, как в природе, — несбыточно». И показывает срез аммонита, где известняк раковины за миллионы лет стал кружевом.

Тектонические пластины и складки кожи Жutowскому одинаково интересны как ландшафт человеческого пребывания. Равнина кажется плоской, когда сплавляешься весной по реке. Но вот увидел, как трава взмола на склоне, — и весь рельеф почвы стал очевиден, и замечаешь вдруг, что это подернутая пушком форма женского тела. И засушенная стерлядь, подобранная на пляже, рифмуется с цветной тряпкой и просится в раму. Худож-

С женской натурой ему вообще приходится тяжело — женщины не хотят быть профилем современности, они хотят быть красивыми. Однажды он нарисовал Маргариту Иосифовну Алигер. «Очень хороший портрет, только вы его никому не показывайте», — попросила она.

Одно из глубочайших его убеждений: человек должен оставить свидетельства своего времени. Из этого убеждения Жutowский сделал триста с лишним портретов современников. Ландшафт поколения местами увековечен в графите — многие портреты нарисованы карандашом. Заголовок «Последние люди империи» подарил

Фазиль Искандер. Там люди далеко не последние, почти все знаменитые: Булат Окуджава, Лев Разгон, Борис Слуцкий, Виктор Шкловский, Натан Эйдельман, Микаэл Таривердиев, Никита Хрущев, Андрей Сахаров... «В этом ряду есть и жертвы, и таланты, и слуги, и убийцы». Объединяет их всех одно — их всех «трогал» своими глазами Жutowский. «Я выбираю только тех людей, которые мне интересны не по социальной значимости, а по морде лица».

Одно время искал в натурщику «приличного бандита» — не нашел. «По карандашно-скульптурным пейзажам портретируемых лиц — по этим

оврагам и овражкам, склонам и ущельцам, холмам и плоскогорьям — интересно петлять наблюдающему глазу». Это не анонимный взгляд неизвестного кого, рисовальщик тут посередине — на пике карандаша. «Реализм — это не направление, а сама природа искусства, сторожевой пес, который не дает уклониться от следа», — пишут про охотника Жutowского, которого все портретируемые зовут Бобой.

Рельеф сегодняшней Москвы, на который принято жаловаться, москвича в седьмом поколении Бобу вполне устраивает. Он живет уже 68 лет с од-

Подвергнутый абстракции

Прогулка с художником по его выставке

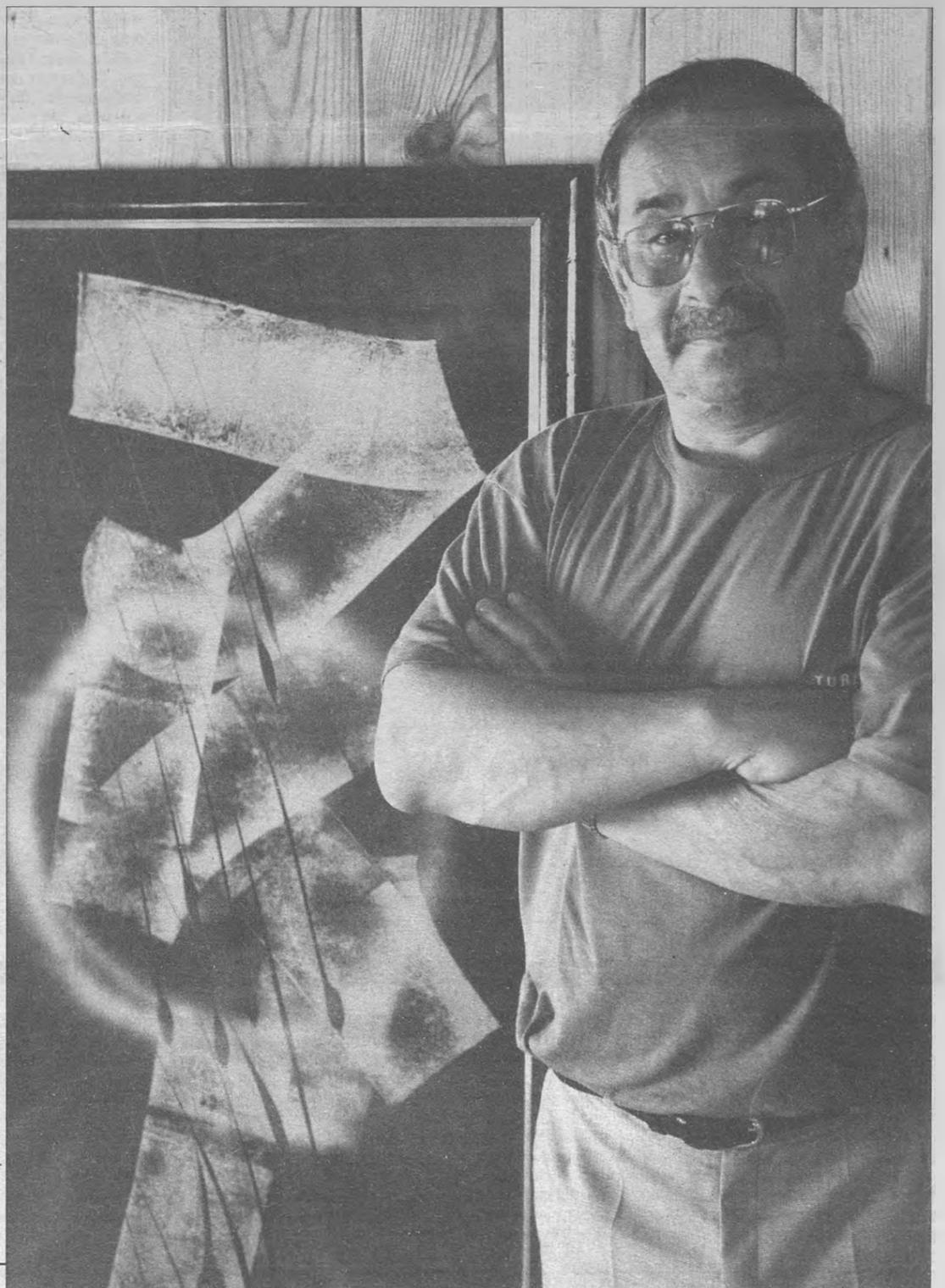

Хрущев Никита Сергеевич

ник зрителю ничем не может помочь: «Я просто нахожу технику, которая дает возможность остановить явления природы — извержение вулкана или водопад. Я согладаю. Сочувствующий. Сопребыватель».

Считается, что для пианиста — слух, то для художника — глаз. А вот Жutowский верит только тому, к чему можно прикоснуться руками. В конце шестидесятых он придумал рисовать на ощупь, с закрытыми глазами. Серии «слепых рисунков» он стеснялся — пока вдруг совсем недавно не прочел в книге академика Раушенбаха, в его исследованиях о древнерусском искусстве, размышление о «вреде» глаза как лишней составляющей или, точнее, «корректирующей» и созидательной конструкции «голова — рука». Тактильный способ познания внешнего мира Жutowский выбрал на ощупь.

Его женские фигуры — всегда вертикали, цветные и прорывающиеся сквозь темноту многослойного фона. Он называет их «мои потаскушки» — красных, зеленых, извивающихся, раскрывающихся навстречу телом. Обсуждая с Шендеровичем приятную во всех отношениях общую знакомую, в радиозфире подытожил: «В ней есть линия». «Ты рисуешь только тех, в ком есть линия», — подтвердил Шендерович. «Линия есть у всех», — заметил он.

Юрий РОСТ

«Наивно думать о прогрессе. Если бы он существовал — земля и люди не умирали бы от сожительства раньше положенного времени»